

«Друзья мои, нам угрожает величайшая опасность, с которой мы только сталкивались, ибо если они подожгут наши башни, а мы останемся здесь, то сгорим заживо. С другой стороны, если оставим пост, на который нас поставили, то покроем себя бесчестьем. Таким образом, никто, кроме Господа, не может защитить нас. Я советую всем, как только в нас будут метать огонь, опускаться на локти и колени и молить Спасителя уберечь нас в этот час опасности».

И как только враги запустили первую ракету, мы все опустили на локти и колени, как указал добрый рыцарь. Первый язык пламени пролетел между двумя башнями и упал на землю перед нами, как раз там, где наши войска прокладывали дамбу. Люди, отряженные тушить пламя, уже были готовы приступить к делу, когда сарацины, увидев, что не могут напрямую целиться в них, начали запускать стрелы прямо в облака, чтобы они падали на головы тех, кто боролся с огнем.

«Греческий огонь», каким он виделся, когда летел в нас, походил на огромную бочку с уксусом, за которой тянулся огненный хвост длиной с древко копья. Звук, который он издавал в полете, напоминал раскаты грома с неба; казалось, что это дракон прорезает воздух. Свет, который шел от этой огромной пылающей массы, был так ярк, что весь лагерь предстал как на ладони, словно днем. В эту ночь враг трижды посылал на нас «греческий огонь» из своих баллист, и три раза он обстреливал из своих тяжелых арбалетов.

Каждый раз, как наш праведный король слышал, как сарацины обрушивают на нас греческий огонь, он садился на свое ложе, молитвенно складывал руки и со слезами говорил: «Боже милостивый, убереги моих людей!» Я искренне верю, что именно его молитвы сослужили нам добрую службу. Всю эту ночь, каждый раз, когда на нас обрушивался огонь, он присылал одного из своих камергеров спросить, как у нас дела и не причинили ли нам вреда огненные ракеты.

Как-то одна из них упала рядом с башней, которую охраняли люди Пьера де Куртене, и обрушила берег рукава. После этого рыцарь л'Обигуа добрался до меня и сказал: «Мессир, если вы не придете к нам на помощь, мы все сгорим, потому что сарацины так неотступно обстреливают нас стрелами с горящими наконечниками, что кажется, будто к нашим башням подступает огненная ограда». Торопливо кинувшись к этому месту, мы убедились, что он говорил правду. Мы раскидали пламя, но прежде, чем мы окончательно справились с ним, сарацины осыпали нас стрелами с другого берега рукава.

Братья короля охраняли башни днем и с их верхушек обстреливали из арбалетов людей в лагере сарацин. Король решил, что, поскольку граф д'Анжу стоит на страже днем, мы должны охранять башни по ночам. И как-то днем, когда граф д'Анжу занимал свой пост, а мы готовились в сумерки сменить его, все мы были поражены до глубины души, потому что сарацины едва не снесли наши башни. На этот раз они пустили в ход свои метательные машины при свете дня и стали обстреливать наши башни греческим огнем, хотя раньше бомбардировали их только по ночам.

Они подтащили баллисты вплотную к дороге, которую мы прокладывали по дамбе через протоку, и стали закидывать ее таким количеством камней, что никто не осмеливался приблизиться к башням. Естественно, обе башни сгорели. Граф д'Анжу был так близко к ним, что попытался броситься в огонь и вытащить их. Но если даже он был вне себя от ярости, я и мои рыцари благодарили Господа, что он уберег нас, ибо, будь мы ночью на страже, то сгорели бы живьем.

Когда король услышал об этом несчастье, он созвал всех пэров своей армии и попросил каждого из них дать ему сколько-нибудь древесины со своих кораблей, чтобы проложить новую дорогу и помочь перекрыть протоку. Он ясно объяснил им, что больше нет дерева, подходящего для этой цели, кроме того, что мы можем получить с кораблей, доставивших сюда наше добро и оборудование. Каждый принес столько, сколько хотел дать, и, когда башни были построены заново, стоимость древесины, пошедшей на них, возросла до десяти тысяч ливров.

Кроме того, король решил, что новая дорога не будет прокладываться до того дня, когда придет черед графа д'Артуа нести охрану, чтобы ему представилась возможность отомстить врагу за сожжение башен, когда он отвечал за них. Так и было сделано. Как только граф д'Анжу выступил на охрану, король приказал заново прокладывать путь до того места, где стояли две сожженные башни.

Когда сарацины увидели, что происходит, они разместили все свои шестнадцать металлических машин, чтобы запускать ракеты именно в то место, откуда шла дорога. Убедившись, что наши люди боятся подходить к нему, потому что туда все время обрушивались камни, они подвели баллисту, которая начала посылать «греческий огонь» на новое сооружение и сожгла башню дотла. Господь проявил свое особое благоволение по отношению ко мне и моим рыцарям, потому что, неси